

ТРОИЦКАЯ ЛИНИЯ НА МИУССКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (1702-1711 ГГ.)

Аваков П.А.

В последние десятилетия крепости и другие фортификационные сооружения, существовавшие на южных рубежах Российского государства в XVIII в., все чаще становятся объектами исторического исследования¹. Но большая часть военных укреплений Юга России той эпохи – как стертых с лица земли, так и сохранившихся до наших дней (хотя бы частично), – еще ждут своего пытливого исследователя. К числу наименее изученных построек такого рода относится Троицкая (Таганрогская) линия, ставшая первым опытом строительства оборонительных линий в Приазовье. Кроме того, это была первая линия, построенная на южной границе России в царствование Петра I. Характерно, что данное фортификационное сооружение хотя и упоминается изредка в литературе, однако всегда без указания его исторического имени собственного.

Первым историю Троицкой линии вкратце осветил инженер-подполковник А.И. Ригельман в труде «Ведомость и географическое описание крепости Святого Димитрия Ростовского...», написанном в 1768 г. Историк писал, что эта «земляная линия, з двумя по концам ея крепостцами; названными при море Черепахой, а при Миусе Павловскую, построены... в 1702-м году для лутчаго сохранения, всех живущих при оной (Таганрогской. – П.А.) крепости жителей...». Далее Ригельман назвал крепостцы Павловскую и Черепаху фельдшанцами, и указал, что соединяющая их линия имела протяженность 9 верст и 200 сажень (10 км 33 м²). Упомянул о линии в дневнике своего путешествия академик Санкт-Петербургской академии наук И.А. Гюльденштедт, побывавший в Приазовье в 1773 г. По наблюдениям ученого, длина линии составляла 6 верст (6 км 400 м)³. Анонимный автор составленного около 1782 г. «Описания городов Азовской губернии» также отметил, что в округе Таганрога имеется «прежде проведенная с сухаго пути для защищения от набегов татарских Линия, начиная от Азовскаго моря, простирается по Миусскому лиману...», и на ней «устроены были редуты и небольшие крепостцы...»⁴. Позже Троицкая линия и находившиеся на ее концах два укрепления обратили на себя внимание историка инженерного искусства инженер-генерал-майора Ф.Ф. Ласковского, который опубликовал

планы и профили этих фортификационных сооружений и сообщил год их постройки⁵. Напечатанный в приложенном к труду генерала альбоме «План укреплений на Таганрогском полуострове в 1710 году» был составлен им на основе трех подлинных чертежей разных лет из Архива Инженерного департамента (благодаря указанному автором архивному шифру нам удалось определить один из них, созданный около 1737-1739 гг.⁶).

В последующее время Троицкая линия не подвергалась специальному изучению. Более того, в современной литературе вообще отсутствует точная информация не только о времени постройки и функционирования линии и ее элементов, но и об исторических наименованиях этих объектов. Например, В.Ф. Чеснок ошибочно датировал сооружение так называемой Павловской крепости сначала 1699 г., а потом 1698 г.⁷ Вероятно, историк перепутал Павловскую крепость в устье Миуса с одноименной крепостью на Петрушиной косе и «городом Миусом» (Семеновским шанцем) в гирле Миусского лимана⁸, основанными, соответственно, в 1697 и 1698 гг. (подробнее речь о них пойдет далее). Краевед Н.Г. Сударгин почему-то назвал Троицкую линию «Апраксиным валом», хотя такое наименование в источниках не встречается⁹.

Предыстория Троицкой линии связана с Азовскими походами Петра I. После взятия царем османской крепости Азов в устьях Дона в июле 1696 г. Северо-Восточное Приазовье фактически вошло в состав Российского государства. Дальнейшие успехи в продолжавшейся войне с Османской империей Петр I связывал с проведением против нее военных операций на море. Для базирования военно-морского флота, строительство которого только намечалось, России требовалась гавань. Предприняв плавание по Азовскому морю, царь выбрал для строительства порта акваторию у мыса (на донском наречии – рог) Таган на Миусском полуострове, а для его защиты запланировал основать новую крепость¹⁰. По возвращении Петра I в Москву российское правительство приступило к реализации грандиозной программы колонизации Северо-Восточного Приазовья, целью которой было превращения края в мощный плацдарм для борьбы за выход в Черное

море. Поскольку история фортификационного строительства на территории Миусского полуострова в царствование Петра I изучена слабо, осветим ее в общих чертах.

Первая попытка России основать крепость у устья р. Миус относится к 1674 г., когда эта задача была возложена на находившегося в низовьях Дона с войском полкового воеводу стольника князя П.И. Хованского. Однако после рекогносцировки местности в устье Миуса строительство там крепости было признано нецелесообразным, и правительство царя Алексея Михайловича отказалось от реализации этого плана¹¹. Российская колонизация Миусского полуострова началась в июле 1697 г., когда на Петрушиной косе (на донском наречие – тубе), в пяти верстах западнее Таган-рога, воевода думный дворянин И.И. Щепин заложил город-крепость Павловский¹². В сентябре 1698 г. воевода Рязанского разрядного полка боярин А.П. Салтыков основан новую крепость у гирла Миусского лимана¹³. В документах конца XVII в. это укрепление обычно фигурирует как «город Миус», а в начале XVIII в. за ним закрепилось название «Семеновский шанец». В октябре 1698 г. павловский воевода И.И. Щепин начал сооружение временных укреплений непосредственно на Таган-роге, на берегу моря. Они представляли собой три небольших «городка», соединенных линией земляного вала со рвом впереди¹⁴. Все российские крепости, построенные на Миусском полуострове в 1697–1698 гг., имели земляную ограду. Первоначально в них проживали солдаты, копейщики и рейтары из гарнизона Павловского. В 1699 г. они были выведены из Павловского и Миуса на Таган-рог, а вместо них в этих двух укреплениях поселили «новопризванных» украинских казаков¹⁵. В сентябре 1699 г. на мысу развернулось строительство города-крепости Троицкого, более известного в историографии как Таганрог. В течение осени и зимы были построены слободы и прочие гражданские объекты, а возведение укреплений началось в августе следующего года¹⁶.

Заключенный 3 июля 1700 г. Константинопольский мирный договор с Османской империей юридически закрепил за Россией территорию, завоеванную в 1696 г., и определил ее границы. Рубежом российского Приазовья с Крымской стороны была определена р. Миус, а с Кубанской стороны к России отходила территория на расстоянии десяти часов конной езды от Азова¹⁷. Несмотря на установление мирных отношений с Османской империей и начавшуюся вслед за этим войну со Швецией, Петр I не потерял интереса к Северо-Восточному Приазовью. Важнейшими задачами прави-

тельства в данном направлении по-прежнему оставались усиление обороны края и его хозяйственное освоение. Особое значение при этом придавалось Таган-рогу, где с 1699 г. продолжалось строительство новой крепости, а также первого в России искусственного военно-морского порта и двухэтажного каменного «магазина» (интендантского склада)¹⁸. Ежегодно на таганрогские стройки с территории почти всей европейской части России направлялись многие тысячи работников различной квалификации и различных специальностей.

Так, для выполнения запланированного на 1702 г. широкого фронта строительных работ на Таган-роге, Разрядный приказ и Приказ военных дел должны были мобилизовать 22 000 ратных людей, а Приказ Большого дворца и Ратуша – 4860 ремесленных людей, итого – 26 860 человек. В соответствии с правительственными указами, прибытие работников в Троицкий ожидалось к 1 апреля, однако в силу разного рода причин они явились туда в гораздо меньшем количестве и с опозданием. В этой связи, во избежание замедления темпов строительства, приазовские власти решили задержать в Троицком ратных и ремесленных людей прошлого года наряда, оставленных в крепости осенью 1701 г. на «годовую» службу до весны 1702 г. Их отпустили домой только 1 октября 1702 г. Всего в течение года только на строительстве укреплений на Миусском полуострове было занято 8296 человек¹⁹.

С декабря 1700 г. фортификационными работами в Троицком руководил шведский инженер Юхан Георг Рекхаусен (в русских источниках фигурирует как Яган Регужин), приехавший в Россию из Нидерландов в 1698 г.²⁰ В декабре 1701 г. он, вместе с тремя другими специалистами-фортификаторами, выехал из Троицкого в Москву для поручения инструкций в Разрядном приказе, в ведении которого находилось Северо-Восточное Приазовье. Именно в это время Петр I поручил инженеру построить новое укрепление при устье р. Миус и оборонительную линию для защиты Троицкого со стороны Крыма. Составленные в приказе по распоряжению царя указные «статьи», отправленные в Азов в апреле 1702 г., гласили: «О строении городка на Миусе и у морской стороны шанца, и линии, и редут, учинить по чертежу, каков послан с инженером с Яганом Регужиным из Розряду за дячьей приписью. А у того строения быть ему, Ягану с товарищи». Тогда же была окончательно решена судьба Павловского на Петрушиной косе. Посетив его еще в июне 1699 г., царь «разсудил оную работу, такоже и место, за негодно и неспособ-

но..., как сухим путем так и водою», – писал в своем «журнале» вице-адмирал К. Крюйс. В вышеупомянутых «статьях» азовскому воеводе думному дворянину С.Б. Ловчикову было указано: «Как тот городок, и шанцы, и линия, и редуты, и все по чертежу зделано будет, ис Павловского казаков вывести и разставить их в том городке, и шанцах, и в редутах по сколку человек, где на чертеже означено, а Павловской разорить». Уже в мае С.Б. Ловчиков, вернувшись в Азов из поездки на Таган-рог, доложил в Разряд: «Как на Миусе построен будет шанец и линия, и в то время Павловский город будет розрыт, и люди выведены»²¹.

К строительству линии и шанцев Ю.Г. Рекхаусен смог приступить в последней декаде июня 1702 г., после возвращения из столицы. По просьбе инженера С.Б. Ловчиков послал с ним из Азова «к строению городка и линии, что велено строить на Миусе», капитана «городового дела» Герхарда Людвига Штока (в России его называли Логином Логиновичем Штоком)²². Вопреки голословному утверждению В.Ф. Чеснока, ни А.Д. Меншиков, ни Ф. Тиммерман, ни К. Крюйс, ни Ф.А. Головин, ни тем более умерший еще в 1700 г. А.С. Шеин не принимали никакого участия в постройке линии²³. Лишь Ф.М. Апраксин мог иметь косвенное отношение к ее сооружению: возможно, во время пребывания в Северо-Восточном Приазовье в 1702 г.²⁴ он инспектировал ход строительных работ, но не более того.

В первую очередь началось строительство шанца в устье Миуса – в 20-х числах июля работы уже близились к окончанию. В конце августа 1702 г. С.Б. Ловчиков сообщил в Москву: «У Миуса реки шанец четырехугольной отделан, и из Павловского казаки в него переходят и селятца дворами, а другой шанец от моря у Черепяхина ерика треугольной строят, и вскоре будет отделан же». Сооружение линии требовало гораздо большего времени в виду ее большой протяженности и нехватки рабочей силы. В начале сентября Ю.Г. Рекхаусен писал азовскому воеводе, что шанцы у Миуса и Черепяхина ерика в основном построены, а возведение линии еще далеко до завершения. Для ускорения работ инженер предложил всех находящихся на Таган-роге рабочих людей «свести туды от своих дел» к 14 сентября, чтобы «всеми людьми принятца за линию» и достроить ее в текущем году. Учитывая важность возводимой линии для обороны Троицкого, С.Б. Ловчиков удовлетворил пожелание инженера. Но завершающие работы на линии производились уже без участия Ю.Г. Рекхаусена, который скончался 16 сентября 1702 г. После его смерти строительство возглавлял капитан

Г.Л. Шток. Вскоре линия была достроена, и 26 сентября Г.Л. Шток послал в Москву «сказку» с описанием параметров ее фортификационных сооружений: «что у тех шанцов фазы, картины и фланки мерою, и что глубина рву и ширина валу, и какие по той линии крепости». 8 октября адмиралтеец Ф.М. Апраксин писал царю из Воронежа: «На Миусе, государь, город четверугольной, такожде и у моря треугольник, между ими линия, за помощью Божиею, зделана изрядно»²⁵. Таким образом, сооружение Троицкой линии и двух шанцев продолжалось чуть более трех месяцев, с конца июня до конца сентября. Старый Павловский на Петрушиной косе был разорен²⁶.

В период строительства и в первое время после его окончания ни линия, ни шанцы, не имели официального названия. Так, в переписке Разрядного приказа с азовским воеводой 1702 г. шанец у устья Миуса фигурирует как «новый городок», «новопостроенной шанец на Миусе», «четыреугольной городок, которой сего лета построен у Миуса реки». В челобитной атамана Данилы Глуховецкого (Глуховца) и казаков, переехавших из города-крепости Павловского в новый шанец (сентябрь 1702 г.), последний назван «новостроенным городом Миусом». В памяти адъютанту Дмитрию Денисову (апрель 1703 г.) укрепление фигурирует как «новопостроенной город Миус, Павловский тож», в отличие от «старого Миуса» (Семеновского шанца) в гирле Миусского лимана²⁷. Впоследствии за новым шанцем закрепилось название Павловского, перешедшее «по наследству» от упраздненного укрепления на Петрушиной косе. Второй шанец прозвали Черепяхой по названию близлежащего Черепяхина (Черепашинского) ерика (в наши дни – балка Большая Черепяха). Линию стали называть Троицкой по имени соседнего города-крепости²⁸.

Поскольку основная масса источников по истории Троицкой линии до сих пор не была введена в научный оборот, аутентичные наименования этого фортификационного сооружения и его отдельных элементов остаются малоизвестными и в научной литературе почти не употребляются. Вместо этого в краеведении получили распространение названия, заимствованные авторами из картографических и письменных источников второй четверти и второй половины XVIII в.: Павловская крепость или крепостца, городки Павловск и Черепяхин, крепость или редут Черепяха, Таганрогская линия, и т.д.²⁹ Руководствуясь принципом историзма мы считаем, что применительно к рассматриваемым в настоящей статье укреплениям следует использовать те названия, которые употреблялись в период

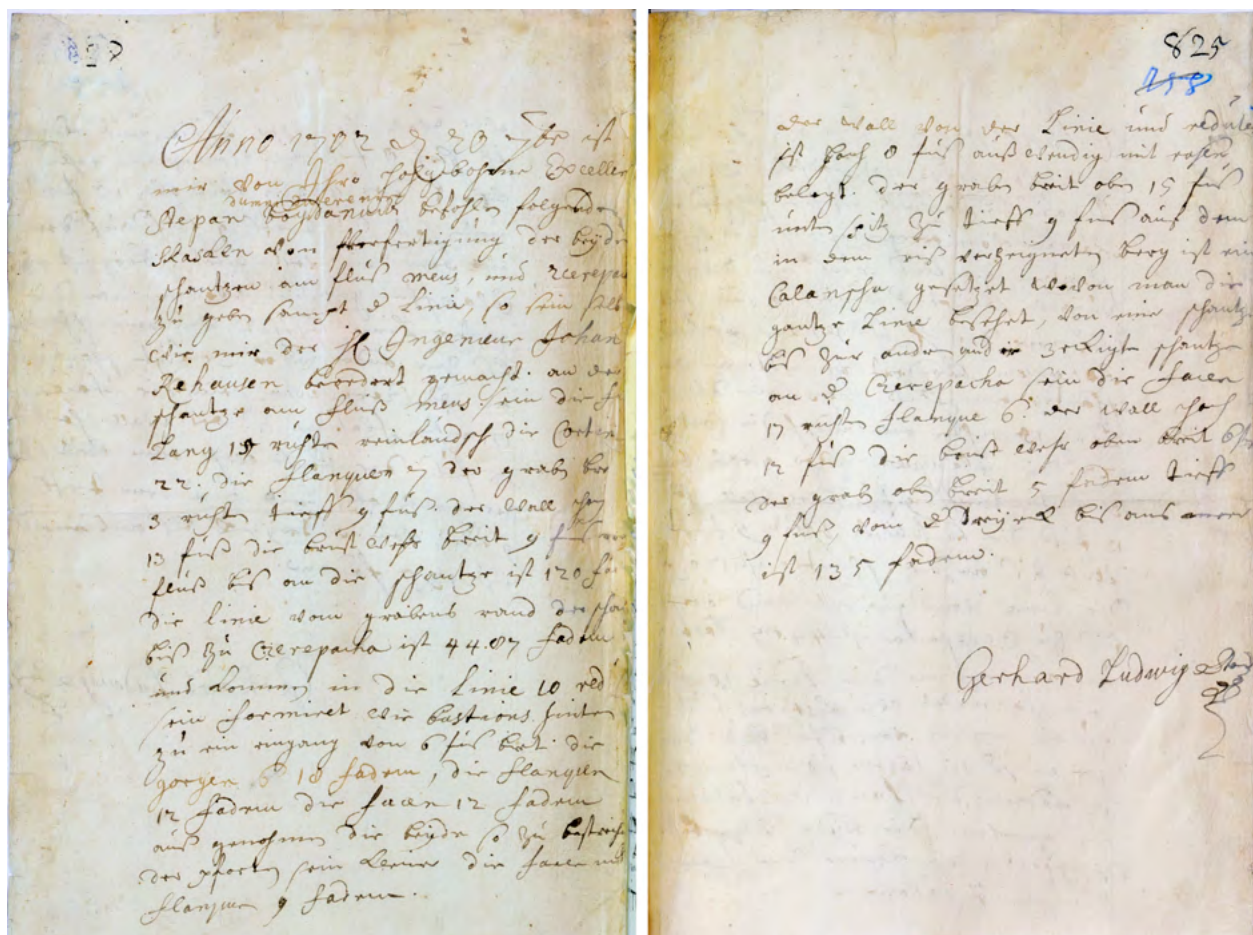

Рис. 1. — «Сказка» Г.Л. Штока от 20 сентября 1702 г. Из фондов РГАВМФ.

их функционирования – то есть в начале XVIII в.

До нас дошел уникальный рабочий план Триоцкой линии, выполненный карандашом и тушью в ходе ее строительства: «Abriss von der Linie und Reduten vom Lande auff dahir getragen, wie auff den Ries zu sehen ist» («План линии и редутов, возведенных здесь от суши, как это показано на чертеже»)³⁰. Все надписи на плане – на немецком языке, а их русскоязычный перевод был нанесен на чертёж позднее – во второй половине XVIII в., о чем свидетельствуют особенности скорописи (Рис. 2). Проведенное нами сличение почерков показало, что автором немецкоязычных надписей не был ни Ю.Г. Рекхаусен, ни Г.Л. Шток. Автор русскоязычных надписей является инженер-подполковник Александр Иванович Ригельман (1714–1789), возглавлявший в 1761–1770 гг. инженерную команду крепости Святого Дмитрия Ростовского, а в 1774–1782 гг. – Азовский департамент крепостей³¹. Впоследствии именно его внук – надворный советник Николай Аркадьевич Ригельман (1817–1888), – передал план Триоцкой линии, наряду со многими другими картографическими материалами, в дар Музею Императорского Одесского общества истории

и древностей³², из собрания которого он поступил в нынешнее место хранения. То, как этот план попал в семейный архив Ригельманов – тема для отдельного исследования. Следует отметить, что помимо плана Триоцкой линии 1702 г. в этом собрании находилась и сохранившаяся до наших дней его раскрашенная копия, выполненная в 1760-е годы: «План Таганрогской линии с назначенными по ней укреплениями, и облежащею около ея ситуацею и где состоит от нея крепость Триоцкая застроенная государем царем Петром Первым по взятии Азова на урочище Таган-роге с 1698 году, а линия оная уже построена от 1702 года»³³.

Сопоставление данных плана Триоцкой линии 1702 г. со сведениями, содержащимися в «сказке» Г.Л. Штока от 20 сентября того же года³⁴ (рис. 1), позволяет получить достаточно точное представление о месторасположении, начертании, профилях и размерах ее фортификационных сооружений.

Павловский шанец находился на левом берегу Миуского лимана у места впадения в него р. Миус, на расстоянии 120 сажень (259 м) от водоема. Он имел форму геометрически правильного четырехугольника с бастиянами на исходящих углах (рис 3).

Рис. 2. — План Троицкой линии. «Abriss von der Linie und Reduten vom Lande auff dahir getragen, wie auff den Ries zu sehen ist». 1702 г. Из фондов СКВ НБУВ.

Фасы бастионов были в два раза длиннее флангов: длина каждого фаса составляла 15 рейнских (рейнландских) футов (4,7 м), фланка – 7 футов (2,2 м). Крепостная ограда состояла из земляного вала высотой 13 футов (4,1 м), на гребне которого возвышался бруствер шириной 9 футов (2,8 м) в основании. Ворота располагались посередине южной куртины (на плане, опубликованном Ф.Ф. Ласковским, они ошибочно показаны с восточной стороны, непосредственно перед линией). По периметру вал окружал сухой ров глубиной 9 футов с шириной дна 3 фута (0,9 м).

Троицкая линия начиналась «от рваного шанецкого берега», пересекала перешеек Миусского полуострова позади Троицкого в юго-восточном направлении, и оканчивалась у устья Черепяхина ерика, впадаю-

щего в Таганрогский залив Азовского моря. Линия имела почти прямое начертание и немного изгибаясь, меняла направление лишь в двух местах. Вероятно, эти изгибы были обусловлены ландшафтом. Длина линии по данным Штока составляла 4487 сажень (9691,9 м). На всей ее протяженности примерно на равном расстоянии друг от друга располагались десять редутов бастионного типа (рис. 5), каждый из которых имел открытую горжу, два фаса и два фланка одинаковой длины – 9 сажень (19,4 м). Валы линии и редуты покрывала дерновая одежда, их высота составляла 8 футов (2,5 м). Вдоль линии с ее внешней стороны был вырыт ров шириною 15 футов и глубиною 9 футов (4,7 и 2,8 м). Немаловажную роль в обороне Троицкой линии играла построенная на расположенном рядом кур-

гане «каланча» – сторожевая вышка, с которой, по словам Штока, просматривалась вся линия «от одного шанца до другого». На «Топографической карте части Азовского моря с устьями реки Дона, и с показанием между рек Миуса и Дона ситуации и лежащих на ней крепостей...», созданной в 60-е годы XVIII в., показаны две группы курганов, находившиеся поблизости с центральной частью линии – как с внутренней, так и с внешней ее стороны (рис. 6, 8). На одном из этих курганов, располагавшемся, судя по всему, с внутренней стороны линии, и стояла «каланча», не отмеченная на картах.

На противоположном конце линию замыкал шанец Черепеха, лежавший в 135 саженях (291,6 м) от моря, на правом берегу Черепехина ерика. Шанец был треугольным в плане и отличался оригинальным начертанием верков: маленькие полубастионы на его углах имели по одному фасу и одному фланку, а куртины образовывали стороны треугольника (рис. 4). Вход в укрепление осуществлялся через южную куртину. Высота вала Черепехи составляла 12 футов (3,7 м), ширина бруствера – 8 футов (2,5 м). Ширина окружавшего шанец сухого рва достигала вверху 5 саженей (10,8 м), глубина – 9 футов (2,8 м).

Два коротких участка Троицкой линии, прикрывавшие береговые склоны, пролегли от Павловского шанца до Миусского лимана и от шанца Черепеха до Таганрогского залива. С западной стороны Павловского шанца на таком участке находился редант (теналь) в форме неправильного исходящего угла. Аналогичный редант был возведен западнее шанца Черепеха. Между этим редантом и Черепехой, а также восточнее Павловского шанца в линии имелись двое ворот, через которые проходили две дороги из Троицкого (Рис. 3, 4). Одна из них пролегла вдоль побережья Таганрогского залива и вела в Азов, а вторая по левому берегу Миуса шла на север, вероятно – в направлении городка Изюм.

Следует отметить, что шанцы Павловский и Черепеха были построены по типовым проектам, получившим широкое распространение в странах Европы еще в предшествующем столетии. Так, планы аналогичных фортификационных сооружений помещены в итальянском рукописном сборнике чертежей по военному искусству XVII в.³⁵ Главы о полубастионном треугольнике («du Triangle des Demibastions») и бастионном четырехугольнике («du Quarré des Bastions entiers») имеются в изданном в Голландии в 1689 г. трактате по фортификации шевалье де Камбре, обобщившем практический опыт выдающегося французского военного инженера С. Вобана. Там же напе-

чатаны и планы этих типовых укреплений, тождественные планам шанцев Черепеха и Павловского (с той только разницей, что у Черепехи фланки и фасы расположены с противоположной стороны полубастионов)³⁶. На хранившемся в библиотеке Петра I французском наглядном пособии по военно-инженерному делу «Idée Generale de la Fortification tant deffensive qu offensive Precedee des Elemens qu Principes de Geometrie les plus Necessaires a cet Art» среди множества изображений можно видеть план пятиугольного укрепления, полностью идентичного Павловскому шанцу³⁷. План треугольного «шанца с полуболверками», соответствующего шанцу Черепеха, изображен в рукописном сборнике трудов по военно-инженерному делу, переписанных в 20-х годах XVIII в. солдатом И. Протопоповым, служившим в гарнизоне Астраханской губернии³⁸. Планы укреплений, идентичных шанцам Павловскому и Черепеха, имеются и на других чертежах из библиотеки Петра³⁹. Все это свидетельствует о высоком уровне компетентности инженера Ю.Г. Рекхаусена, возглавлявшего строительство Троицкой линии, и о его знакомстве с достижениями европейского инженерного искусства.

Постройкой линии завершилось создание на Миусском полуострове первого в России укрепленного района, по своим основным параметрам соответствовавшего уровню развития передовой военно-инженерной мысли той эпохи. Но значение Троицкой линии не стоит переоценивать, так как ее оборонительные возможности были в известной степени ограничены. Главный недостаток такого оборонительного сооружения заключался в том, что в случае его прорыва и захвата в одном пункте, вся линия оказывалась бесполезной.

Тем не менее, Троицкая линия была призвана стать надежным заслоном со стороны Крымского ханства для населения Троицкого и его окрестностей. Ее постройка способствовала успешному сельскохозяйственному освоению Миусского полуострова. Еще в 1702 г. – за два года до организации там пашни, – Разряд предусмотрел, что ей следует «...быть в линее, которая линея зделана будет от Миуса до моря». В 1704 г. на Миусском полуострове, к северу от Троицкого, началась распашка многовековой целины. Расположенная под защитой линии казенная десятинная пашня первоначально занимала площадь 32 десятины, а к 1708 г. – уже более 1000 десятин⁴⁰. В течение 1702–1704 гг. близ Троицкого под прикрытием линии были построены шесть слобод, в которых поселились солдаты четырех троицких жилых полков, пушкарки, посадские люди и пашенные крестьяне.

Рис. 3. — План Павловского шанца. «Abriss von der Linie und Reduten vom Lande auff dahir getragen, wie auff den Ries zu sehen ist». 1702 г. (фрагмент). Из фондов СКВ НБУВ.

Рис. 4. — План шанца Черепаша. «Abriss von der Linie und Reduten vom Lande auff dahir getragen, wie auff den Ries zu sehen ist». 1702 г. (фрагмент). Из фондов СКВ НБУВ.

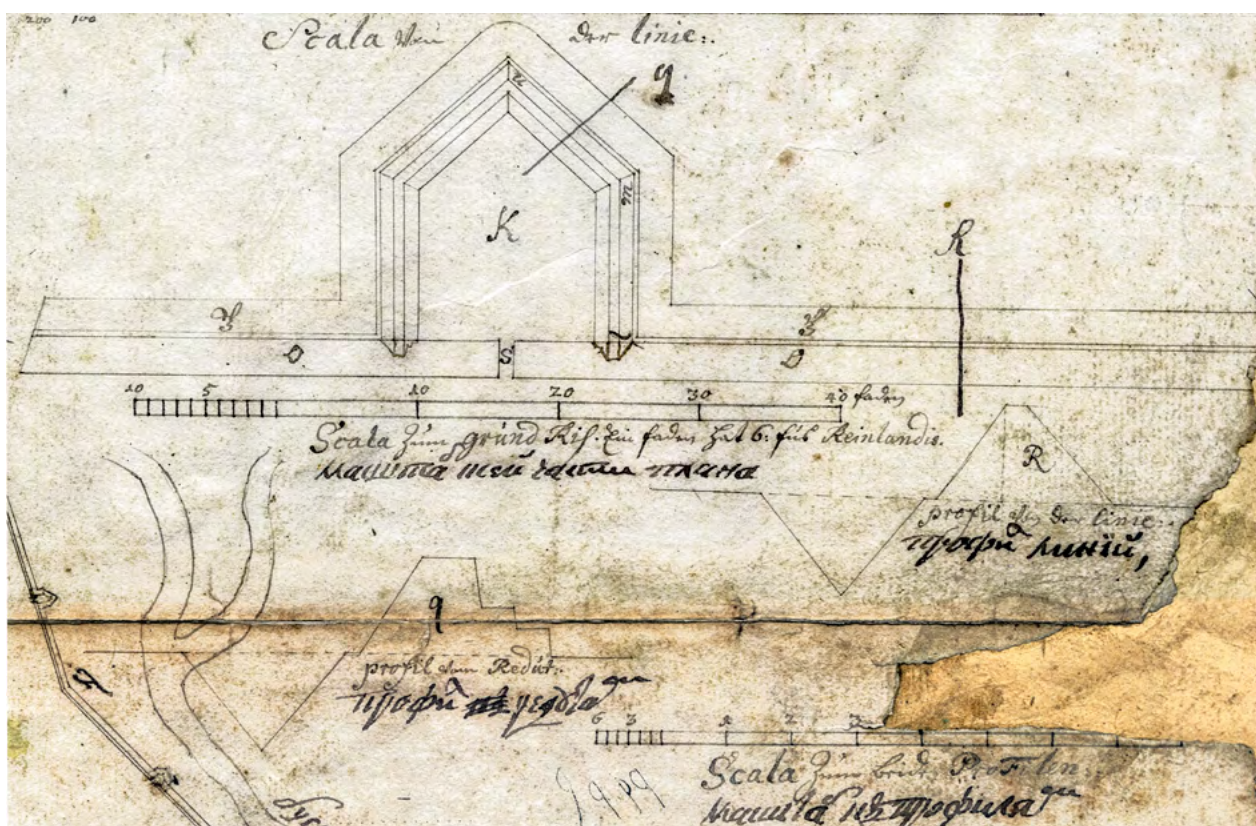

Рис. 5. — План и профиль редута Троицкой линии. «Abriss von der Linie und Reduten vom Lande auff dahir getragen, wie auff den Ries zu sehen ist». 1702 г. (фрагмент). Из фондов СКВ НБУВ.

Рис. 6. — Миусский полуостров. «Топографическая карта части Азовскаго моря с устьями реки Дона, и с показанием между рек Миуса и Дона ситуации и лежащих на ней крепостей Семеновской, Таган-рога, Павловской, Черепахи, Таганрожской линии, Святого Дмитрия Рост.[овского] и Азова». 1760-е гг. (фрагмент). Из фондов РГВИА.

Между слободами был устроен новый рынок с таможней⁴¹. Встречающиеся в популярной литературе сведения о расселении при Петре I по восточному берегу Миусского лимана 500 семей донских казаков, составивших Таганрогский казачий полк⁴², не соответствуют действительности и относятся к периоду повторной колонизации полуострова в правление императрицы Екатерины II⁴³.

Для несения на линии патрульно-караульной службы требовались кавалерийские соединения, которых в Троицком не доставало. Чтобы исправить ситуацию, летом 1703 г. в Павловском шанце был сформирован конный полк. В его состав вошли переведенные из Азова двести казаков упраздненного конного полка полковника Афанасия Колошинова и сотня «добрых» казаков, выбранных из числа проживавших в Павловском шанце с 1702 г. Новое соединение возглавил ротмистр Лаврин (Лаврентий) Кондратьев, переведенный из другого азовского конного казачьего полка полковника Николая Васильева. Остальные двести павловских казаков несли «пешую службу». В начале 1708 г. павловский конный полк насчитывал 258 офицеров и казаков. К марту 1709 г. это количество сократилось до 269 человек, а к лету 1711 г. — до 254 человек⁴⁴. Следует подчеркнуть, что эти казаки не имели никакого отношения к Войску Донскому, и в подавляющем большинстве являлись переселенцами из Левобережной и Слободской Украины. Артиллерия Павловского шанца в 1704 г. была представлена четырьмя чугунными пушками без станков⁴⁵. В 1703 г. в укреплении построили церковь во имя архангела Михаила⁴⁶.

В 1708 г., когда Булавинское восстание достигло своего апогея, Троицкий встал перед лицом реальной военной угрозы со сто-

роны восставших казаков, для его обороны потребовались дополнительные воинские контингенты. Весной 1708 г. «во охранении от вора и изменника Кондрашки Булавина» на Троицкой линии находился присланный из Азова калмыцкий конный отряд. Однако уже 2 мая большинство калмыков неожиданно оставили службу и откочевали в неизвестном направлении⁴⁷.

Данных об использовании шанца Черепаха в источниках обнаружить не удалось. Это косвенно свидетельствует о вспомогательном характере этого небольшого укрепления и его незначительной роли в обороне Миусского полуострова. Шанец Черепаха даже не был включен Петром I в список населенных пунктов Азовской губернии 1709 г., в отличие от Павловского и Семеновского шанцев⁴⁸.

После заключения 12 июля 1711 г. Прутского мирного договора между Россией и Османской империей, Троицкая линия с шанцами Павловским и Черепаха не были разрушены вместе с Троицким и другими российскими укреплениями, построенными в устьях Дона в 1695–1711 гг. Утверждение Ф.Ф. Ласковского об обратном⁴⁹ следует признать ошибочным. Обширная и чрезвычайно информативная переписка азовского губернатора И.А. Толстого и других должностных лиц с генерал-губернатором Азовской губернии графом Ф.М. Апраксиным 1711–1712 гг., довольно подробно отражающая процесс ликвидации российского присутствия в Приазовье, о судьбе линии и шанцев умалчивает. Для разорения фортификационных сооружений и эвакуации многочисленного местного населения, вооружения, боеприпасов, амуниции, стройматериалов и различных запасов в крае просто не хватало рабочих рук. По этой же причине процесс разрушения Троицкого и

Рис. 7. — Гирло Миусского лимана. «Топографическая карта части Азовского моря с устьями реки Дона, и с показанием между рек Миуса и Дона ситуации и лежащих на ней крепостей Семеновской, Таган-рога, Павловской, Черепихи, Таганрожской линии, Святого Дмитрия Рост.[овского] и Азова». 1760-е гг. (фрагмент). Из фондов РГВИА.

Рис. 8. — Перешеек Миусского полуострова, мыс Таган и Петрушина коса. «Топографическая карта части Азовского моря с устьями реки Дона, и с показанием между рек Миуса и Дона ситуации и лежащих на ней крепостей Семеновской, Таган-рога, Павловской, Черепихи, Таганрожской линии, Святого Дмитрия Рост.[овского] и Азова». 1760-е гг. (фрагмент). Из фондов РГВИА.

возвращения Азова туркам затянулся и завершился более чем на два месяца позже установленного срока, что спровоцировало османский двор на разрыв мира⁵⁰. В такой обстановке российскому командованию было не до Троицкой линии.

Дальнейшая судьба Троицкой линии и шанцев Павловского и Черепиха долгое время оставалась невыясненной. Ранее автор настоящей статьи, опираясь на помещенное в дневнике А.И. Гюльденштедта описание этих укреплений, пришел к ошибочному выводу об их восстановлении в правление Екатерины II, после занятия Таган-рога российскими войсками в 1769 г.⁵¹ В действительности же, после 1711 г. линию и шанцы никто не восстанавливал – но не только потому, что они не были разрушены, а в том смысле, что они больше не использовались как действующие укрепления. Об этом прямо свидетельствует член Военной коллегии генерал-поручик Михаил Алексеевич Деденев – один из ведущих российских инженеров второй половины XVIII в., который по указу императрицы Екатерины II от 4 августа 1769 г. был командирован «для осмотра положения мест от Днепра до

Азовского моря, и для проектирования с той стороны границ империи... укрепления»⁵². Итоги своей поездки М.А. Деденев изложил в трех обстоятельных рапортах, поданных в Военную коллегию. В одном из них, датированном 24 января 1770 г. и посвященном состоянию обороны Северо-Восточного Приазовья, генерал-поручик писал о Миусском полуострове: «Перешеек сего полуострова не болши семи верст, которой укреплен был между морем и лиманом Миуса линиею з двумя шанцами и теперь почти свою профиль имеет». То есть, спустя 62 года после постройки Троицкой линии ее вал и ров довольно хорошо сохранились, что было бы невозможно в случае разрушения линии по условиям Прутского договора 1711 г. По этой же причине не функционировавшую Троицкую линию с шанцами продолжали изображать на картах Приазовья на протяжении всего XVIII в.⁵³ «А на самом устье, где Миус втекает в море, – пишет Деденев далее, – положена была крепость называемая Павловская, которую со временем хотя не такой профили, то есть болшого вала, почитаю за нужное привести во оборонительное состояние,

для воспрепятствования иногда неприятельского на мелких судах десанта. Линия ж может быть и не надобна будет, когда укреплении произведутца на Берде и Конских Водах»⁵⁴. Таким образом, генерал был убежден в бесполезности Троицкой линии после постройки спроектированной им новой Днепровской линии. Но при этом он признал стратегическое значение Павловского шанца и считал необходимым возобновить его, однако, с измененным профилем главного вала. Источники умалчивают о воплощении данного предложения Деденева в последующее время. Эта задумка так и осталась нереализованной, и в «Описании городов Азовской губернии» 1782 г. о «Павловской крепостце» говорится в прошедшем времени, как о бывшем укреплении⁵⁵.

Остатки фортификационных сооружений Троицкой линии долгое время оставались заметными ориентирами в безлюдной степи до начала нового этапа колонизации Миусского полуострова при Екатерине II. Так, при подготовке очередного похода в Крым в январе 1738 г., генерал-фельдмаршал П.П. Ласси назначил местом сбора калмыцкой и донской казачьей конницы местность «на речке Миусе около бывшей Павловской крепости»⁵⁶. Посетивший Таганрог в 1823 г. журналист П.П. Свиньин отмечал в своем репортаже, что Троицкая линия «осталась без большого повреждения до сих пор»⁵⁷. В середине XIX в. заметный рельеф линии все еще позволял наносить ее на карты. На «Военно-топографической карте Екатеринославской губернии» 1869 г. она показана как «ретраншемент Петра»⁵⁸.

В наши дни от Троицкой линии мало что осталось. Практически полностью сохранился лишь Павловский шанец, расположенный на окраине хутора Гаевка Неклиновского района Ростовской области. Впервые государство взяло его под охрану в 1950 г. как памятник археологии «Турецкая крепость XVI-XVII вв.» (решение Исполнительного комитета Ростовского областного Совета депутатов трудящихся № 230 от 7 февраля 1950 г.). К тому времени внутри укрепления уже находился «стадион для физкультурных игр»⁵⁹. В 1992 г. шанец повторно получил статус памятника, но уже истории, с нелепым названием «Земельная крепость» (решение Ростовского областного Совета народных депутатов № 301 от 18 ноября 1992 г.). В том же году укрепление было в третий раз принято государством под охрану, на этот раз в качестве памятника архитектуры с более адекватным наименованием «Павловская крепость» (решение Ростовского областного Совета народных депутатов № 325 от 17 декабря 1992 г.). Результаты последне-

го археологического обследования шанца, проводившегося в 2007 г., свидетельствует о его не вполне удовлетворительном состоянии. Площадь памятника задернована, валы оплыли, на стыке северо-западного бастиона и западной куртины зияет брешь, через которую проложена грунтовая дорога, частично разрушен оврагом северный фас северо-западного бастиона, ров перед восточной куртиной засыпан и занят огородами местных жителей⁶⁰. Не сохранившемуся шанцу Черепеха в 1992 г. также был присвоен статус памятника архитектуры с названием «крепость Черепехин городок» (решение Ростовского областного Совета народных депутатов № 325 от 17 декабря 1992 г.). Место, где он располагался, погребено под шлаковым отвалом Таганрогского металлургического завода (ОАО «Тагмет»). Археологические раскопки на территории обоих шанцев никогда не производились.

В 2004–2011 гг. Павловский шанец являлся объектом особого рода массового ажиотажа: на его территории ежегодно проводилась молодежная правовая акция «Наша крепость», в ходе которой сотни студентов юридических факультетов нескольких высших учебных заведений Ростова-на-Дону выстраивались на валах, взявшись за руки⁶¹. К сожалению, ни организаторы акции, ни тем более ее участники, почти ничего не знали об этом укреплении. Во время флешмоба 2009 г. при содействии Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры внутри шанца был установлен охранный знак в виде бетонной тумбы с памятной доской, сообщающей ошибочную дату постройки укрепления: 1698 г. Хочется надеяться, что эта досадная погрешность будет исправлена (тем более что доска в настоящее время утрачена).

Сокращенный вариант статьи был опубликован в «Военно-историческом журнале» со значительными редакционными изменениями, коснувшимися даже терминологии и примечаний со ссылками. Не отягощенный грузом специальных знаний и профессиональных навыков редактор счел необходимым заменить в ряде случаев термин «линия» на имеющее совершенно иное значение слово «фортеция», а также поместил в квадратных скобках перевод отдельных слов в названии украиноязычного издания, упомянутого в примечаниях, ошибочно переведя при этом слово «джерело» (источник) как «родник». Авторское название статьи было заменено другим, абсолютно не соответствующим ее содержанию (Аваков П.А. Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 61–64). Вся эта «редактура», разумеется, не была согласована с автором.

- 1 — См.: Заїка Г.П. Українська лінія. Київ; Полтава, 2001; Азово-Моздокская линия на рубеже XVIII-XIX вв.: Материалы научной конференции. Пятигорск, 2003; Рудницкий Р.Р. История возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии (1777-1829 годы): Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004; Перепечаяева Л.Б. Азов – пограничная крепость России к. XVII – н. XIX вв. Азов, 2006 (Очерки истории Азова. Вып. 11); Пірко В.О. Оборонні споруди в ме-жірччі Дніпра і Сіверського Дінця: (Історичний нарис з уривками джерел і планами споруд за другу половину XVII-XVIII ст.). Донецьк, 2007; Молдавський Р.Л. Нова Дніпровська лінія укріплень: (1770-1791 pp.) Запоріжжя, 2007 (Запорозька спадщина. Вип. 16); Комолов Н.А.: 1) Павловская крепость в XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 6. Воронеж, 2008; 2) Хоперская крепость в XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 5. Воронеж, 2007; Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII в.: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус: (1710-1780 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; Лавринова Т.И. Царицынская линия: История строительства в 1718-1720 и первые годы существования. Волгоград, 2012; Аваков П.А. Памятники фортификации Петровской эпохи на территории Ростовской области (утраченные и сохранившиеся) // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм: Материалы VII Международного петровского конгресса: Санкт-Петербург, 5-7 июня 2015 года. СПб., 2016. С. 406-423; и др.
- 2 — Ригельман А.И. Ростов на Дону 150 лет назад. Ростов н/Д., 1918. С. 31, 45.
- 3 — Гольденшtedт А.И. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской академии наук Гильденшtedта в 1773-1774 г. // Записки Императорского Одесского общества истории древностей. Т. 11. Одесса, 1879. С. 216.
- 4 — Описание городов Азовской губернии // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии: Год первый. [Вып. 1]. Екатеринослав, 1904. С. 81-82.
- 5 — Ласковский Ф.Ф.: 1) Материалы для истории инженерного искусства России. Ч. 2. СПб., 1861. С. 519, 630; 2) Карты, планы и чертежи к II части Материалов для истории инженерного искусства России. СПб., 1861. № 32. Изобр. 105, 106, 107, 108, 109, 111.
- 6 — РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 51. Чертеж опубликован: Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. М., 1994. С. 39. На нем изображены, в том числе: «Карта от Таган Рога з близ лежащими городки и линеи», «План линии между городка Черепихина и до городка Павловска», «План городка Павловска», «План городка Черепихина». Сохранились также копии этих чертежей, выполненные на отдельных листах во второй половине XVIII в., см.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губерния. Д. 8/1; д. 8/3; д. 8/4; д. 29.
- 7 — Чеснок В.Ф.: 1) Донское туристское кольцо. Ростов н/Д., 1982. С. [20]; 2) Генеральная репетиция северной столицы состоялась на Дону // Донская параллель. 2003. № 3-4. С. 26-27.
- 8 — Чеснок В.Ф.: 1) Генеральная репетиция северной столицы состоялась на Дону // Донская параллель. 2003. № 3-4. С. 26; 2) Генеральная репетиция северной столицы состоялась на Дону // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов: Санкт-Петербург, 8-11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 199-200.
- 9 — Судоргин Н.Г. Памятники оборонительного зодчества Нижнего Дона и Приазовья – свидетели военно-политических событий XVII-XXI вв. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 22-25 июня 2016 г. Ростов н/Д., 2016. С. 602.
- 10 — Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 334-335; Елагин С.И. История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. С. 46-47.
- 11 — РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 6. Л. 320-323; кн. 8. Л. 35-36; 1674 г. Д. 20. Л. 3, 26-30; д. 21. Л. 1, 3, 5, 7; д. 22. Л. 7-8; Аваков П.А. Русские государственные укрепления на Нижнем Дону в XVI-XVII вв. (до 1695 г.) // Рубикон: Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 13. Ростов н/Д., 2001. С. 41.
- 12 — РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1588. Л. 355-356; Письма императора Петра Великого к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану с ответами на оныя и на отзвы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, князя Бориса Александровича Голицына, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1788. С. 75; Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 г.). СПб., 1906. С. 291; Елагин С.И. История русского флота: Период азовский. С. 103-104. 13 — НИА СПб ИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 44; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 5. Л. 31 об., 33 об.
- 14 — НИА СПб ИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 77-77 об., 146, 147; Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 г.). Изобр. 8.
- 15 — НИА СПб ИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 79, 80, 128, 146, 147, 195, 228, 259, 260; д. 32. Л. 95, 97; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 19 об.; Аваков П.А. Участие украинского казачества в российской колонизации Приморья 1698-1711 гг. // Украинцы Юга России: Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3-4 октября 2013 г.). Ростов н/Д., 2013. С. 70-72.
- 16 — РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 303; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 394-395; 404, 405; ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 94 об.-95 об., 574 об.; д. 7. Л. 1108 об.; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 250. Л. 13, 62-63, 66, 78-80, 123, 124, 125. 17 — ПСЗ. Т. 4. СПб., № 1804; Пиб. Т. 1. СПб., 1887. № 318. 18 — См.: Аваков П.А.: 1) Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 98-100; 2) Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 2. С. 298-311; 3) Мастер шлюзного дела Элазар Краффорд на службе России: (1698-1716) // Россия - Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса: Санкт-Петербург, 7-9 июня 2013 года. СПб., 2014. С. 125-130.
- 19 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 902, 905 об.-906, 959-959 об.; д. 22. Л. 437-437 об., 895; д. 36. Ч. 1. Л. 849 об.
- 20 — ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 208. Л. 3; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 565, 618-618 об., 650.
- 21 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 92-92 об.; д. 22. Л. 446 об., 481 об., 489, 507 об., 508 об.; Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову 1699 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 8. СПб., 1850. С. 377.
- 22 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 472 об.
- 23 — Чеснок В.Ф. Генеральная репетиция северной столицы состоялась на Дону // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов: Санкт-Петербург, 8-11 июня 2010 года. С. 199-200.
- 24 — Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 201-204.
- 25 — История русского флота: Период Азовский: Приложения. СПб., 1864. С. 337, 505, 508; Пиб. Т. 2. СПб., 1889. С. 399; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 697, 697 об., 775, 785, 896 об.
- 26 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 292.
- 27 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 219, 292; д. 22. Л. 565 об., 854; д. 36. Ч. 1. Л. 390; ГАВО. Ф. И-154. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.
- 28 — См., например: Пиб. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 70; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 23 об.; ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 597 об.
- 29 — РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 51; ф. 846. Оп. 16. Д. 22895; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губерния. Д. 8/1; д. 3; д. 4; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 55; д. 543. Л. 29; Гольденшtedт А.И. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденшtedта в 1773-1774 г. С. 213, 216; Описание городов Азовской губернии. С. 81-82.
- 30 — ОКВ НБУВ. № 6342.
- 31 — О нем см.: Аваков П.А. Труды и дни Александра

Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: образы и судьбы. СПб., 2010. С. 351–374.

32 — М[урзакевич] Н.Н. Каталог картам, планам, чертежам, видам, хранящимся в Музее Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1881. С. I, 54; Б[ертье]-Д[елагард] А.Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в Музее Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1888. С. IV, 24. Составитель первого каталога музея Н.Н. Мурзакевич ошибочно назвал Н.А. Ригельмана сыном А.И. Ригельмана и отнес создание плана к 1736 г.

33 — ОКВ НБУВ. № 17490; М[урзакевич] Н.Н. Каталог картам, планам, чертежам, видам, хранящимся в Музее Императорского Одесского общества истории и древностей. С. I; Б[ертье]-Д[елагард] А.Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. С. 24.

34 — Сохранился как оригинал отчета Г.Л. Штока на немецком языке, так и современный ей перевод на русском языке, выполненный в Разрядном приказе: РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 825–825 об., 826–826 об. Автор выражает признательность доктору исторических наук Ю.Н. Беспятым (СПБНИИ РАН) за уточненный перевод документа.

35 — Library of Congress. Rosenwald Coll. Ms. № 27. L. 25, 47 // Digital Collections Library of Congress. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.rbc/rosenwald.1363>.

36 — Cambray, de. Maniere de fortifier de Mr. de Vauban: ou l'on voit de quelle methode on se sert aujourd'hui en France, pour la fortification des places tant regulieres qu'irregulieres: en quoi cette methode differe des autres, & c.: avec un traite de geometrie qu'on a mis a la tete, pour avoir une parfaite intelligence des fortifications. Amsterdam, 1689. P. 88, 89; [Planche] R. Fig. 33; [Planche] S. Fig. 35.

37 — ОР БАН. Собр. иностранных рукописей. Ф. 226. Т. 1. Л. 100. Изобр. 18. Литера В.

38 — ОРК ДГПБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 131 об., 154 об.

39 — ОР БАН. Собр. иностранных рукописей. Ф. 226. Т. 1. Л. 76, 77.

40 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 88; Пушкаренко А.А.: 1) Документы о русском земледелии в Приазовье // Краеведческие записки / Таганрогский краеведческий музей. Вып. 2. Ростов н/Д., 1964. С. 189, 193; 2) Начальный этап русского земледелия в Северо-Восточном Приазовье // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 1962 г. Минск, 1964. С. 301.

41 — ПиБ. Т. 2. С. 399; Пушкаренко А.А. Документы о русском земледелии в Приазовье. С. 195; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 740–742, 787–788 об.

42 — Павленко И.Е. Таганрог – первый российский военный порт // Наука и жизнь. 2005. № 9. С. 70.

43 — Гольденшtedт А.И. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденшtedта в 1773–1774 г. С. 216; [Аваков П.А.] «Основан волею Петра...» // Таганрог: годы, люди, власть». Ростов н/Д., 2007. С. 19.

44 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 16. Л. 219, 292–292 об.; д. 36. Ч. 1. Л. 8, 131–131 об., 454, 740, 787 об., 857 об.; ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 556 об., 560; ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 519, РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 10. Л. 353–353 об.

45 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 869 об.

46 — РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 187–187 об.

47 — РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 366–366 об., 597 об.–598.

48 — См.: ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 70; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 22–22 об.; ПСЗ. Т. 4. № 2218.

49 — Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства России. Ч. 2. С. 486.

50 — Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 150–159; Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление. С. 289–291, 296.

51 — [Аваков П.А.] «Основан волею Петра...». С. 19.

52 — РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 123. Л. 162–162 об., 201.

53 — См.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Театры войны с Турцией. Д. 21; Карта предпринятых в 1736 году от армии Ея императорского величества против турков и татар победоносных военных действий между Доном, Днепром и при оных реках. [СПб., 1736]; Charte derer von der Russisch-Keyser Armee im Jahr 1736 zwischen und an dem Dnieper und Donn wieder die Turcken und Tartarn siegreich unternommenen Kriegs-Operationen. [St. Petersburg, 1736]; Teatrum belli anno MDCCXXXVII a milite augustae russorum imperatricis adversus Turcas Tattarosque gesti. Sc. Petropolis, [1737]; РГИА. Ф. 1399.

Оп. 1. Д. 55; д. 543. Л. 29; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21307; д. 22895; ГИМ. № 54000/ГО 4381. Л. 8, 14, 23; и др.

54 — РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 123. Л. 209 об.–210.

55 — Описание городов Азовской губернии. С. 82.

56 — РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1738 г. Д. 20. Л. 1.

57 — [Свиньин П.П.] Таганрог // Отечественные записки. Ч. 25. Кн. 71. 1826. С. 437.

58 — Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. [СПб., 1869 г.].

59 — ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 983. Л. 33.

60 — Дедюлькин А.В. Итоги разведки и топосъемки на территории Павловской крепости // Археология, Древний мир и Средние века. Вып. 3. Ростов н/Д., 2009. С. 59–63.

61 — Сапега С. Шесть сотен студенческих рук оказались крепостью не вдруг // Вечерний Ростов. 2008. № 222–223. 17 октября; Брень Д. Крепость нашли... студенты // Академия. 2009. № 30. 17 октября; Харченко И. Крепость взята // Наше время. 2011. № 418. 7 октября.